

Иван Тургенев

Предисловие к романам

Иван Сергеевич Тургенев

Предисловие к романам

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3004305

Аннотация

«Предисловие к романам» является завершающим в ряду многочисленных – как предназначавшихся для печати, так и эпистолярных – объяснений Тургенева-романиста с русским читателем и русской критикой. Необходимость в таком предисловии была обусловлена тем, что в издании 1880 года все романы впервые печатались единой группой и «сподряд», как отмечает сам Тургенев. Второй причиной, побудившей Тургенева еще раз по всеуслышанию заговорить о своих романах, были соображения полемического свойства. В предисловии к романам Тургенев вновь выдвигает тезис, который был уже знаком читателю по «Литературным и житейским воспоминаниям», а именно «Критика наша, особенно в последнее время (после Белинского), не может предъявить притязания на непогрешимость...». Защищая историческую достоверность и художественную значимость своих изображений быстро изменявшейся физиономии «русских людей культурного слоя», Тургенев утверждает, что каждый писатель, не лишенный таланта, «старается прежде всего верно и живо воспроизводить впечатления, вынесенные им из собственной и чужой жизни».

«Если он правдив, – добавляет Тургенев, имея в виду талантливого писателя, – значит, он прав»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Комментарии

Иван Сергеевич Тургенев

Предисловие к романам

[Источники текста](#)

[Условные сокращения](#)

Решившись в предстоящем издании поместить все написанные мною романы («Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети», «Дым» и «Новь») в последовательном порядке, считаю нелишним объяснить, в немногих словах, почему я это сделал. Мне хотелось дать тем из моих читателей, которые возьмут на себя труд прочесть эти шесть романов сподряд, возможность наглядно убедиться, насколько справедливы критики, упрекавшие меня в изменении однажды принятого направления, в отступничестве^[1] и т. п. Мне, напротив, кажется, что меня скорее можно упрекнуть в излишнем постоянстве и как бы прямолинейности направления. Автор «Рудина», написанного в 1855-м году, и автор «Нови», написанной в 1876-м, является одним и тем же человеком. В течение всего этого времени я стремился, насколько хватало сил и умения, добросовестно и беспристрастно изобразить и воплотить в надлежащие типы и то, что Шекспир называет: «the body and pressure of time»^{1, [2]} и ту быстро изменяющуюся физиономию русских людей куль-

¹ «самый образ и давление времени».

турного слоя, который преимущественно служил предметом моих наблюдений. Насколько это мне удалось – не мне судить: но смею думать, что читатели не усомнятся теперь в искренности и однородности моих стремлений.

Позволю себе прибавить несколько кратких замечаний о каждом из этих шести романов – замечаний, не лишенных, быть может, некоторого интереса.

«Рудин», написанный мною в деревне, в самый разгар Крымской кампании, имел успех чисто литературный не столько в самой редакции «Современника», где он был помещен, сколько вне ее. Помнится, покойный Некрасов, выслушав мое чтение, сказал мне: «Ты затеял что-то новое; но между нами, по секрету, скучен твой „Рудин“». Правда, несколько недель спустя тот же Некрасов, говоря со мною о только что написанной им поэме «Саша», заметил, что «ты, мол, увидишь, я в ней до некоторой степени подражаю твоему „Рудину“ – но ведь ты не рассердишься». Помню также, что меня очень изумило письмо Сеньковского^[3] (барона Брамбеуса), которого я чуждался, как вся тогдашняя молодая школа, и который отнесся к «Рудину» с великим сочувствием.

«Дворянское гнездо» имело самый большой успех, который когда-либо выпал мне на долю. Со времени появления этого романа я стал считаться в числе писателей, заслуживающих внимание публики.

Гораздо меньший успех имело «Накануне», хотя ни один

из моих романов не вызвал столько статей в журналах. (Самую выдающуюся была, конечно, статья Добролюбова.^[4]) Покойный Н. Ф. Павлов сильно раскритиковал меня, а другому, ныне также покойному критику, некоему Дарагану дали даже обед по подписке в благодарность за весьма строгую статью о «Накануне»,^[5] в которой он особенно настаивал на безнравственности главных действующих лиц. Появилось несколько эпиграмм; одна острота особенно часто повторялась:^[6] мое произведение потому-де названо «Накануне», что оно вышло накануне хорошего романа.

Прошу позволения у читателей рассказать – именно по поводу этого «Накануне» – небольшой эпизод из моей литературной жизни.

Почти весь 55-й год (так же как предшествовавшие три года) я безвыездно провел в своей деревне, во Мценском уезде Орловской губернии. Из числа моих соседей самым мне близким человеком был некто Василий Каратеев, молодой помещик двадцати пяти лет. Каратеев был романтик, энтузиаст, большой любитель литературы и музыки, одаренный притом своеобразным юмором, влюбчивый, впечатлительный и прямой.^[7] Он воспитывался в Московском университете и жил в деревне у своего отца, на которого каждые три года находила хандра вроде сумасшествия. У Каратеева была сестра – очень замечательное существо, – которая тоже кончила сумасшествием. Все эти лица давно уже умерли; оттого я так свободно говорю о них. Каратеев заставлял себя

заниматься хозяйством, в котором ровно ничего не смыслил, и особенно любил чтение да разговоры с людьми ему симпатичными. Таких людей оказывалось немного. Соседям он не нравился за вольнодумство и насмешливый язык; к тому ж они боялись знакомить его с своими дочерьми и женами, так как за ним упрочилась репутация – в сущности вовсе им не заслуженная, – репутация опасного волокиты. Ко мне он ездил часто – и его посещения доставляли мне почти единственное развлечение и удовольствие в тогдашнюю, для меня не слишком веселую, пору.^[8]

Когда настала Крымская война и произошел рекрутский набор на дворянство, названный ополчением, не жаловавшие Каратеева дворяне нашего уезда согласились, как говорится, упечь его – и выбрали его в офицеры этого самого ополчения. Узнав о своем назначении, Каратеев приехал ко мне. Меня тотчас поразило его расстроенный и встревоженный вид. Первым его словом было: «Я оттуда не вернусь; я этого не вынесу; я умру там». Здоровьем он похвалиться не мог; грудь у него постоянно болела, и сложения он был слабого. Хотя я сам боялся за него всех трудностей похода, однако я постарался рассеять его мрачные предчувствия и начал уверять его, что не пройдет и года – и мы снова сойдемся в нашем захолустье, будем опять видеться, толковать и спорить по-прежнему. Но он упорно настаивал на своем – и после довольно продолжительной прогулки в моем саду вдруг обратился ко мне с следующими словами: «У меня

есть до вас просьба. Вы знаете, что я провел несколько лет в Москве, — но вы не знаете, что со мной произошла там история, которая возбудила во мне желание рассказать ее — и самому себе и другим. Я попытался это сделать; но я должен был убедиться, что у меня нет никакого литературного таланта, и всё дело разрешилось тем, что я написал эту тетрадку, которую я передаю в ваши руки». Сказавши это, он вынул из кармана небольшую тетрадку, страниц в пятнадцать. «Так как я уверен, — продолжал он, — несмотря на все ваши дружеские утешения, что я не вернусь из Крыма, то будьте так добры, возьмите эти наброски и сделайте из них что-нибудь, чтоб бы не пропало бесследно, как пропаду я!» Я стал было отказываться, но, видя, что мой отказ его огорчает, дал ему слово исполнить его волю и в тот же вечер, по отъезде Каратеева, пробежал оставленную им тетрадку. В ней беглыми штрихами было намечено то, что составило потом содержание «Накануне». Рассказ, впрочем, не был доведен до конца и обрывался круто. Каратеев, во время своего пребывания в Москве, влюбился в одну девушку, которая отвечала ему взаимностью; но, познакомившись с болгаринном Катрановым (лицом, как я узнал впоследствии, некогда весьма известным и до сих пор не забытым на своей родине), полюбила его и уехала с ним в Болгарию, где он вскоре умер. История этой любви была передана искренне — хотя неумело. Каратеев действительно не был рожден литератором. Однако только сцена, именно поездка в Царицыно, была набросана

довольно живо — и я в моем романе сохранил ее главные черты. Правда, в то время в моей голове вращались другие образы: я собирался писать «Рудина»; но та задача, которую я потом постарался выполнить в «Накануне», изредка возникала передо мною. Фигура главной героини, Елены, тогда еще нового типа в русской жизни, довольно ясно обрисовывалась в моем воображении; но недоставало героя, такого лица, которому Елена, при ее еще смутном, хотя сильном стремлении к свободе, могла предаться. Прочтя тетрадку Каратеева, я невольно воскликнул: «Вот тот герой, которого я искал!» Между тогдашними русскими такого еще не было. Когда на следующий день я увидел Каратеева, я не только подтвердил ему мое решение исполнить его просьбу, но и поблагодарил его за то, что он вывел меня из затруднения и внес луч света в мои, еще до тех пор темные, соображения и измышления. Каратеев этому обрадовался и, повторив еще раз: «Не дайте этому всему умереть», уехал на службу в Крым, откуда он, к глубокому моему сожалению, не вернулся. Предчувствия его сбылись. Он умер от тифа на стоянке близ Гнилого моря, где было помещено — в землянках — наше орловское ополчение, не выдавшее во всё время войны ни одного неприятеля и тем не менее потерявшее от различных болезней около половины своих людей. Я, однако, отложил исполнение своего обещания: я занялся другой работой; кончивши «Рудина», я принялся за «Дворянское гнездо»; и только зимою, с 58-го на 59-й год, очутившись снова в той же деревне и в

той же обстановке, как и во время моего знакомства с Каратеевым, я почувствовал, что уснувшие впечатления зашевелились; я отыскал, я перечел его тетрадку, отступившие на второй план образы выступили снова на первый – и я тотчас же принялся за перо. Некоторым из моих знакомых тогда же стало известным всё то, что я теперь рассказал; но я считаю своей обязанностью ныне, при окончательном издании моих романов, поделиться этим и с публикой и тем заплатить хотя позднюю дань памяти моего бедного молодого друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

... критики, упрекавшие меня в изменении однажды принятого направления, в отступничестве... – В отступничестве Тургенева упрекали многие критики, но он напоминает об этом, находясь, по-видимому, под свежим впечатлением от одной из последних статей М. А. Антоновича «Причины неудовлетворительного состояния нашей литературы» (см. третье примечание к с. 394).

2.

... the body and pressure of time». – Неточная цитата из «Гамлета» Шекспира (акт III, явл. 2). У Шекспира: «to show <...> the very age and body of the time his form and pressure» (показывать... самому возрасту и телу века его внешность и отпечаток. См.: Т, ПСС и П, Письма, т. XI, с. 436).

3.

... изумило письмо Сеньковского... – Это письмо О. И. Сенковского неизвестно.

4.

... статья Добролюбова – «Когда же придет настоящий день?»; журнальное название – «Новая повесть г. Тургенева» (Совр, 1860, № 3).

5.

... Н. Ф. Павлов сильно раскритиковал меня ~ Дарагану дали даже обед ~ статью о, «Накануне»... – О статьях Н. Ф. Павлова и М. И. Дарагана см. наст. изд., т. 6, с. 456–457, 459–460.

6.

... одна острота особенно часто повторялась... – Тургенев перефразирует остроту, принадлежащую князю П. А. Вяземскому: «это „Накануне“ не мешало бы отложить до „завтра“» (Рус См, 1891, № 11, с. 396). Эта острота упоминалась также в статье Н. Ф. Павлова о «Накануне» и в «Литературных воспоминаниях» П. В. Анненкова (см. наст. изд., т. 6, с. 453).

7.

Каратеев был романтик ~ впечатлительный и прямой. – Эти черты характера и поведения Каратеева, а также его «вольнодумство и насмешливый язык» напоминают облик художника Павла Шубина в романе «Накануне».

8.

... в тогдашнюю, для меня не слишком веселую, пору. – Намек на положение ссыльного, в котором Тургенев находился с 18 (30) мая 1852 г. по 6 (18) декабря 1853 г.

за опубликование в газете «Московские ведомости» статьи о Гоголе, а в сущности «вследствие появления отдельного издания „Записок охотника“» (<Автобиография>, наст. изд., т. 11).